

Глава 5. Чьё сердце не разорвётся от боли, когда предают любовь

Улица Рассыпанного Золота. Ресторан «Взлет Процветания»

Дела во «Взлете Процветания» всегда шли на лад. Едва ли дело близилось к полудню, а все южные кабинеты на втором этаже уже были заняты. Пустовал лишь один — точнее, его целиком выкупил один-единственный гость. Створка выходящего на запад окна была полуоткрыта; из неё, разглядывая спешащую толпу, лениво выглядывал молодой человек с красивым, благородным лицом.

Прохожие то и дело бросали взгляды вверх. Одни смотрели со смущением, другие — завороченно; в основном то были юные девушки на выданье, хотя изредка встречались и молодые замужние женщины, стыдливо прикрывавшие лица рукавами.

В этот момент из-за угла показался мужчина. Он шел неторопливым, размеренным шагом. Поравнявшись с окном и заметив устремленные на него восхищенные взгляды толпы, он не удержался от улыбки и негромко крикнул наверх:

— Хорош собой Господин Muskusa и Орхидеи! Сколько лет не виделись, а братец Цзыхоу все так же заставляет девиц грезить о себе и лишает их покоя.

Тот, кого прохожий шутливо называл Господином Muskusa и Орхидеи, был Чун Даем, ожидавшим у западного окна. Пришедшим же на встречу оказался Фу Исянь.

Услышав добродушную насмешку, Чун Дай лишь улыбнулся и молча поманил друга рукой, приглашая войти.

Убранство кабинета отличалось изысканной простотой. Поднявшись наверх, Фу Исянь бросил взгляд на широкий квадратный стол, на котором сиротливо ютились лишь чайник с горячей водой да две чарки. Он тут же решил поддразнить хозяина:

— Неужто наследный принц Чжуан настолько скуп, что угощает гостя лишь пустой водой? Или вы решили сэкономить даже на туши и кистях, раз уж пригласили меня побеседовать?

— Если бы я заказал кушанья заранее, они бы давно остыли, пока я тебя дожидался, — рассмеялся Чун Дай, увлекая его за стол. — Кому, как не мне, знать твои причуды? Холодного, жирного, мясного да рыбного ты и в рот не берешь.

Усадив гостя, он налил чаю. Они сидели бок о бок, медленно прихлебывая горячий настой, и разговор на какое-то время затих.

Спустя долгое время Фу Исянь перестал улыбаться. Лицо его сделалось серьезным.

— Назначить принца Чэна инспектором армии... Это я предложил Его Величеству.

Чун Дай молча кивнул.

— Знаю, конечно.

— Цзыхоу, войско выступает уже завтра. Ты ведь не просто так позвал меня сегодня? Тебе есть что сказать?

Чун Дай отвернулся к окну, вновь уставившись на оживленную улицу. Прошло несколько минут, но он так и не проронил ни слова. Тогда Фу Исянь мягко накрыл его ладонь своей и негромко позвал:

— Братец Цзыхоу!

Услышав, как трепетно и нежно прозвучал этот голос, Чун Дай не стал убирать руку, позволяя держать её. Фу Исянь тихо вздохнул, а Чун Дай горько усмехнулся.

— Сяошань, раз уж ты пошел в услужение к повелителю, твоя прямая обязанность — облегчать его бремя. Не предложи ты, император нашел бы кого-то другого. Но ему повезло, что рядом оказался именно ты — человек с мягким сердцем. Твои советы, возможно, уберегут страну от лишней крови. И все же... император всегда остается императором. Ничего не изменится.

— Послушай моего совета, Цзыхоу, — с жаром возразил Фу Исянь. — Наш государь наделен великими устремлениями. То, что он в столь юные годы взошел на престол — воля самих небес, его судьба священна. Тебе же, как подданному, надлежит изо всех сил помогать ему, а не идти наперекор небесному промыслу. Зачем обрекать себя на гибель?

— Неужели ты забыл, Сяошань, что сыновний долг — первейший среди пяти устоев человечности? У меня тоже нет выбора.

Фу Исянь строго посмотрел на него.

— Цзыхоу, которого я знал, никогда не дорожил пустым тщеславием. Твой разум всегда был ясен, а сердце умело отличать истину от лжи. Верность государю стоит выше сыновней покорности, и всякий мудрец поступил бы именно так.

При этих словах лицо Чун Дая изменилось. Он резко вырвал руку, поднялся и стремительно подошел к окну. Обернувшись, он с затаенной горечью бросил:

— Пустое тщеславие? Да, на меня возложили тяжелое бремя, я вынужден гнуть спину перед престолом, и со стороны кажется, будто мной движет жажда чинов. Но что насчет тебя,

Сяошань? Ты мог бы свободно путешествовать по Поднебесной, не зная забот. Зачем же ты сам впрягся в это ярмо ради призрачной славы?

Фу Исянь лишился дара речи. Он приоткрыл рот, силясь оправдаться, но так и не смог вымолвить ни слова.

— Раньше ты тоже тревожился за меня, — продолжал Чун Дай, — но никогда не считал меня неправым. Теперь же ты принял его сторону. В твоих глазах я теперь — лишь бунтовщик и изменник.

— Если бы я считал тебя изменником, разве пришел бы сюда сегодня? — с болью в голосе отозвался Фу Исянь. — Я лишь боюсь, что твоя гордость погубит тебя, Цзыхоу. Боюсь, что ты совершишь непоправимую ошибку.

— Непоправимую ошибку? — Чун Дай смерил его мрачным, тяжелым взглядом. — Пожалел бы лучше своего «императорского братца». Его трон далеко не так прочен, как вам обоим кажется.

— Говори тише! — испуганно перебил его Фу Исянь. — Ты вечно твердишь мне об осторожности, а сам забываешь, где мы находимся. Разве можно бросаться такими словами?

— Об этом не беспокойся. «Взлет Процветания» — моя вотчина. Но даже если бы нас подслушали чужие уши, донести на меня они бы уже не успели.

Слыша, как Чун Дай раз за разом язвительно повторяет «императорский братец», Фу Исянь понимал, какая буря бушует в его душе. Он лишь безмолвно опустил голову, безропотно снося насмешки, — лишь бы другу стало хоть немного легче.

Чун Дай молча застыл у окна. Снова воцарилось долгое, гнетущее молчание. Наконец он тяжело вздохнул, достал из-за пояса складной веер и принялся лениво вертеть его в руках. В то же мгновение комнату наполнил густой, изысканный аромат мускуса и орхидеи.

— Ты ведь у меня умница, Сяошань, и наверняка давно обо всем догадывался. Я не раз порывался открыться тебе, но всякий раз сдерживался. Твоя чистота, твоя искренность казались мне бесценным сокровищем, и я до смерти боялся осквернить или ранить тебя своим признанием. В ту ночь, накануне твоего назначения во двореце, у меня так сильно разболелось сердце... Лишь позже я понял, что это было предчувствие. Предчувствие того, что произошло между вами. В делах сердечных я оказался непроходимым глупцом. Лишь теперь я осознал, что твоя душа уже давно принадлежит ему, а я лишь несколько лет тешил себя несбыточными грезами. Прежде каждый мой шаг направлял страх навлечь на тебя беду. Теперь же, когда ты поднялся так высоко и обрел столь могущественного покровителя, мне самое время отступить. Пора заняться ратными делами и выбросить тебя из мыслей.

Чун Дай на секунду умолк, голос его дрогнул.

— Но я боюсь, Сяошань. Ты слишком мягок, слишком доверчив. Если однажды он ранит твое сердце, как ты это перенесешь? В тот день меня не окажется рядом — я буду либо на чужбине, либо в сырой земле. Последние полмесяца этот страх изводит меня. Я засыпаю и вижу тебя во сне — заплаканного, безутешного. Завтра мы с принцем Чэном уходим в поход, и кто знает, свидимся ли вновь. Я позвал тебя сегодня лишь для того, чтобы высказать все, что копилось в душе годами. Теперь, если мне суждено сложить голову в бою и вернуться домой завернутым в конскую шкуру, я уйду без сожалений.

Договорив, он не выдержал. Слезы покатались по его лицу.

Слушая его, Фу Исянь чувствовал, как от невыносимой тоски разрывается сердце. Он плакал навзрыд, не в силах сдержать рыдания.

Чун Дай указал на него дрожащим пальцем, пытаясь выдавить слабую, вымученную улыбку:

— Вот именно таким я и видел тебя во сне, Сяошань.

Но шутка не удалась — в груди у него разлилась такая щемящая боль, что от бывшей колкости не осталось и следа.

Фу Исянь поднялся из-за стола как в тумане. При этом он случайно задел рукавом пиалу; горячий чай разлился, замочив его одежду, но он даже не заметил этого. Он неотрывно смотрел на Чун Дая, а затем, пошатываясь, бросился к нему и припал к его груди, горько рыдая.

— Цзыхоу... Цзыхоу... Неужели это я предал тебя? Неужели я разрушил всё?

Чун Дай ласково гладил его по спине. Вся обида и горечь, терзавшие его мгновение назад, растаяли в этих объятиях, уступив место бесконечной нежности. Свободной рукой он прикрыл створку окна и тихо прошептал:

— Нет, ты ни в чем не виноват. Я встретил тебя слишком поздно. Видно, такова судьба, а спорить с ней бесполезно.

Фу Исянь приподнял голову, уткнувшись лбом в его подбородок, и сокрушенно зашептал:

— Какое безумие... Мы с императорским братом знаем друг друга с малых лет, но долгая разлука отделила нас. Всё это время я был рядом с тобой, и уже тогда в душе зарождалось нечто смутное. Но ты всегда казался мне благородным мужем, недостижимым идеалом. О твоём завидном положении в столице грезил многие, отбоя от свах не было. Мне было больно на это смотреть, но и забыть тебя я не мог. Каждую минуту я со страхом ждал, что меня позовут на твою свадьбу, и эта мысль отравляла мне жизнь. От отчаяния я пустился в странствия, пытаюсь заглушить эту тоску, сознательно отдалиться от тебя. А потом... потом внезапно вернулся Чун

И. Он взял меня за руки, вспомнил былое и привлек к себе. В тот миг меня словно громом поразило — я понял, о чем грезил все эти годы. Он окружил меня невероятной заботой, доверил судьбу государства, и шаг за шагом мы пришли к тому, что имеем теперь. У меня слишком ветреное, ненадежное сердце. Я сам запутался в своих чувствах и предал тебя.

Чун Дай лишь покачал головой.

— Твое отношение ко мне... Разве мог я не замечать его? Но всё совсем не так, как ты думаешь. Твоя привязанность была лишь крепкой дружеской любовью. Мы были неразлучны, но затем мой отец настоял, чтобы я ушел на службу, и между нами легла тень отчуждения. Это расстроило тебя, заставило замкнуться в себе. На самом же деле твои мысли уже тогда занимал он, просто ты этого не осознавал. Я боюсь лишь одного, Сяошань: так ли искренни его чувства, как тебе кажется? Влюбленный человек слеп, он не видит притворства. Нам с тобой пришлось пройти через столько испытаний, чтобы наконец решиться на это признание, но толку от него теперь мало — лишь новая боль. И самое страшное... при нынешнем положении вещей мне и ему не ужиться под одним небом.

Фу Исянь порывисто прижал ладонь к его губам:

— Не говори таких страшных слов. Я обязательно найду способ все исправить. Я спасу вас обоих.

Чун Дай мягко отвел его руку от своего лица.

— Твое сердце никогда не принадлежало мне, Сяошань. И то, что ты сейчас льнешь ко мне и обещаешь спасение, ранит меня больше всего.

Он вложил в ладонь Исяня веер и тихо продолжил:

— Я ухожу. Кто знает, свидимся ли мы вновь и какими будут наши дороги. Этот веер всегда был при мне, теперь я отдаю его тебе. Пусть он напоминает тебе обо мне. Даже если судьба столкнет нас на поле боя как заклятых врагов, не забывай этот день и наши откровения в этом кабинете. Я никогда не предаю тебя, Сяошань. Надеюсь, и ты не забудешь меня.

Улица Делюн. Усадьба Великого генерала

Фу Исянь сидел в одиночестве под холодным лунным светом, дорожки непросохших слез поблескивали на его щеках. В руках он сжимал подарок Чун Дая — то раскрывал его с тихим шорохом, то вновь бережно складывал.

Веер был искусно вырезан из драгоценного сандала. Шестнадцать костяных пластин,

соединенных вместе, складывались в тончайший пейзаж, а в правом углу красовалась изящная ажурная резьба: «Полноводные реки тянутся на тысячи ли, обнимая далекие горы».

Раньше Исянь и не догадывался, насколько глубоки чувства его друга. Теперь же, читая эти строки при неверном свете луны, он плакал без остановки, и слезы капали на тонкое дерево. В этих словах, искусно переплетенных резчиком, скрывалось его собственное имя — Исянь, соединяющее великие реки с далекими горами Юаньшань.

Вспоминая бесчисленные достоинства Чун Дая, его неизменное благородство и чуткость, Фу Исянь проклинал себя за то, что ранил любящее сердце. Но стоило ему перевести дух, как мысли вновь уносились к Чун И. Тот был вспыльчив, мнителен и непостоянен, но вырвать его из души было выше сил Исяня. Чун Дай всегда оставался безупречным, благородным мужем; Исянь часто ловил себя на том, что украдкой любит его статным силуэтом, но в этом чувстве было куда больше глубокого почтения, нежели трепетной любви.

Чун И же со своими вечными капризами порой вел себя как капризный ребенок, лишенный всякого благоразумия. Порой, призвав Исяня в боковой зал Резонирующей Гармонии, он с детской непосредственностью заявлял:

— Никаких дел у меня к тебе нет. Просто я соскучился. Стоит мне увидеть тебя, как на душе становится спокойно, и работа ладится.

В другие дни он мог вспылить из-за пустяка, но тут же оправдывался:

— Если меня злят другие, я лишь притворяюсь разгневанным. Но если меня задеваешь ты, Сяошань, мне действительно становится больно.

В последнее время император и вовсе позабыл о приличиях. Он мог внезапно сгрести Исяня в охапку, украдкой коснуться его руки или запечатлеть быстрый поцелуй на щеке. От этих вольностей Исянь терялся, не зная, стоять ему или сидеть, густо краснел от смущения, но в глубине души трепетал от счастья.

Чувства к Чун И опутали его душу невидимыми, прочными нитями, которые невозможно было разорвать. Если однажды сбудется мрачное пророчество Чун Дая, как ему спасти их обоих? Даже привыкший к хладнокровию и созерцательности Фу Исянь чувствовал, как от этих мыслей закипает кровь, а рассудок грозит помутиться. С ужасом он осознавал, как сильно изменился за то короткое время, что провел рядом с императором, растеряв прежнюю невозмутимость. Но стоило ему вспомнить долгие годы, проведенные с Чун Даем, и его сегодняшнее горькое признание во «Взлете Пророчества», как слезы вновь застилали глаза.

Мечась между долгом, любовью и преданностью, он не заметил, как пролетела ночь. Холодная роса обильно покрыла его плечи и одежду, но он так и остался сидеть в опустевшем саду, безмолвно встречая рассвет.

<http://bllate.org/book/19874/2029220>